

OBEDIENTIA CIVIUM URBIS FELICITAS

«Повиновение граждан есть счастье города».

Официальный девиз Дублина

ПРОЛОГ

7 июля 2016 г., четверг

Детектив Уилсон глубоко подышал и попытался успокоиться. Желудок начал физически реагировать на зловоние еще до того, как его обработал мозг, и никакая «твердость духа» уже не могла засунуть джинна обратно в бутылку. Плотный ирландский завтрак будет выпущен в дикую природу, хочет он этого или нет.

Уилсон отвернулся, прижав правую руку к губам. Рот уже начал наполняться предупреждающей слюной, язык судорожно сжался. Вопрос «Что случится?» не стоял, остался лишь вопрос «Где именно?».

Попытавшись изобразить решительный, но спокойный шаг, он стал выходить из комнаты тем же путем, каким вошел, притворяясь, будто ему понадобилось срочно ответить на важный звонок.

Тело — вернее, то, что от него осталось, — сидело посреди большой гостиной свободной планировки. Когда-то этот дом красовался на трех разворотах глянцевого журнала — до того, как его владелец сделался нерукопожатен для элиты, которая производит, печатает и потребляет подобные издания. О многом говорил мраморный камин, доминировавший в комнате. За совершенно неприличные деньги его целиком доставили с тосканской виллы. Хозяин камина, который и сам был крупным застройщиком, однажды пошутил, что дешевле было бы перетащить весь дом в Италию. Шутка была не очень смешной, но, в конце концов, владелец дома наслаждался немереным богатством, а это значило, что люди

будут смеяться над его остротами, хочется им этого или нет. Теперь же он сидел возле камина, привязанный к стулу, с лицом, искаженным ужасной предсмертной гримасой, которая под определенным углом могла выглядеть так, будто он смеется, если бы прочие обстоятельства решительно не отрицали такой возможности.

Главной новостью сегодняшней утренней газеты стали двадцать водителей автобусов, выигравших в лотерею. Эта была забавная история. Завтрашние заголовки будут мрачнее.

Покидая комнату со всей небрежной поспешностью, которую он мог себе позволить, Уилсон случайно налетел на плечо входившего в тот момент гика из Технического бюро и отпружинил от него к стенке. Подняв левую руку в вялом извинении, он продолжил двигаться к выходу, не рискуя заговорить. Только бы не внутри. Это не должно произойти внутри дома. Надо поскорее выбраться на свежий воздух и найти какое-нибудь укромное местечко. Прошло восемь месяцев после позорного инцидента в Феникс-парке и три недели с тех пор, как он в последний раз слышал прозвище «харчамет», которое, как он надеялся, уже забылось навсегда. Следующие тридцать секунд покажут, так ли это, или кличка так и приклеится к нему до конца его полицейской карьеры.

В свою защиту он мог сказать, что поплохело не только ему. Бедная уборщица, первая обнаружившая труп, несла нечто совершенно дикое. Принявший звонок диспетчер немедленно выслал патрульную машину и запросил скорую помощь со спецоборудованием, предположив, что женщину придется принудительно госпитализировать в соответствии с законом «О психическом здоровье». Все, что он сумел разобрать из ее крика, было слово «шатан», повторяемое много раз. Переводчик,

приглашенный позже для прослушивания записи звонка на службу 999 в надежде, что он сможет дать значимую подсказку, объяснил, что «шатан» — это по-польски «Сатана».

Выходя через парадную дверь, Уилсон прошел мимо хорошо знакомой ему фигуры доктора Дениз Дивэйн, государственного патологоанатома. Сегодняшний чрезвычайный случай оторвал ее от более рутинной и привычной темы «Ремни безопасности — для лохов». Смерть была ее ежедневным занятием в течение семнадцати лет, и если бы вы поинтересовались ее работой еще вчера, то Дениз бы ответила, что научилась смотреть на трупы с холодной отстраненностью. Но все же завтрашним вечером, когда Дениз останется в кабинете одна, чтобы подробно и долго перечислить в отчете все физические увечья, нанесенные жертве, она закроет шторы, сядет в кресло для посетителей и прольет тихую слезу над зверской жестокостью человечества. Никто не заслуживает подобной участи, даже такие, как он.

Проходя мимо, она бросила на Уилсона обеспокоенный взгляд. Дивэйн хоть и была от природы холодна, однако обладала достаточной квалификацией, чтобы распознавать травмы как у мертвых, так и у живых.

Заметив слева один из характерных фургонов Технического бюро, припаркованный прямо на лужайке, Уилсон мгновенно принял решение. Это был лучший шанс укрыться среди сутолоки. Он направился прямо к фургону, игнорируя крики детектива-сержанта Хики, пытавшегося привлечь его внимание. Словно спринтер, делающий рывок к финишной ленте, он преодолел последние несколько метров, чтобы в напоследнейший момент очутиться позади фургона. И тут содержимое желудка вырвалось наружу. У него получилось.

Почти.

Детектив-суперинтендант Сьюзан Бернс определенно умела производить впечатление. Эта эффектная женщина в свои сорок два года — удивительно молодом возрасте для ее высокой должности — обладала непререкаемым авторитетом среди подчиненных. Данное качество, вкупе с выдающимися достижениями в деле борьбы с бандитизмом в Лимерике, а также безошибочным умением подавать это прессе правильно, возвысило ее до должности главы Национального бюро уголовных расследований, которую она занимала уже полтора дня. Она обладала колючими голубыми глазами, чей цепкий взгляд производил неприятное впечатление, словно она фокусировала его на глубине пяти сантиметров внутри головы собеседника — возможно, там, где находится душа. Кроме того, она была стройной, с фигурой гребчихи. Такие женщины часто избегают носить каблуки, чтобы не заставлять мужчин чувствовать себя неудобно. Именно поэтому она их носила. И не только поэтому. Сьюзан Бернс, как бы банально это ни звучало, питала слабость к красивым туфлям. Они были единственной поблажкой, которую она делала себе в строго регламентированном ежедневном существовании.

Сей последний факт имел особое отношение к детективу Доннахе Уилсону, или «харчемету», как его теперь будут называть до конца жизни. Два дня назад детектив-суперинтендант Сьюзан Бернс приобрела пару «лабутенов» в качестве подарка себе в честь начала работы на новой должности. Две секунды назад детектива Уилсона стошнило прямо на них.

Выражение ее лица запомнится Уилсону навсегда. Однако не это лицо будет заставлять его просыпаться в холодном поту по ночам — отнюдь. Гораздо больше его напугало другое лицо — застывшее в невообразимой агонии и смотревшее лишенными век глазами на слова, которые

были начертаны на стене над неприлично дорогим тосканским камином. Позже анализы подтвердят, что надпись была сделана кровью жертвы почти наверняка в тот момент, когда несчастный был еще жив.

Слова были просты: *«Это день, который никогда не станет»*.